

15 АПР 41 8

Тамбов

Газета №

МАЯКОВСКИЙ—ПАТРИОТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТЕЧЕСТВА

Советский читатель, любящий настоящую большую поэзию наших героических лет, высоко ценит замечательное творчество В. В. Маяковского. В произведениях «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», как сказал о Маяковском товарищ Сталин, читатель находит целый мир социалистических идей и чувств. Этот мир открывают в поэзии Маяковского и новые граждане молодых областей и республик СССР. Получая впервые советский паспорт и вспоминая свое недавнее прошлое, они с особым воодушевлением могут повторить слова Маяковского:

С каким наслаждением
жандармской жастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый
советский паспорт.

«Слишком о советском паспорте» стали любимым поэтическим выражением гордости гражданина СССР за свое отечество. Написанные в последний год жизни Маяковского, они как бы венчают одну из важнейших тем всего его творчества—тему советского патриотизма.

«...Мы должны,—говорил М. И. Калинин в своем докладе московскому партактиву «О коммунистическом воспитании»,—воспитать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей родине. Я говорю не об отвлеченной, не о платонической любви, а о любви напористой, активной, страстной, неукротимой, о такой любви, которая не знает никакой пощады к врагам, которая не остановится ни перед какими жертвами во имя родины».

В качестве образца выражения патристических чувств в искусстве, образца служения советскому народу М. И. Калинин в своем докладе приводил творчество Маяковского.

В старой России, где господствовал «его преподобие» капитал, поэт чувство-

вал себя чужим. «Я не твой, снеговая уродина»—говорил он, обращаясь к старорежимной, кондовой, низкопоклонной Руси чиновников и купцов, помещиков и фабрикантов, опоганивших великое слово «Родина». С неслыханной силой бросил он в лицо «патриотов», ослеплявшихся в тылу во время мировой войны и наживавшихся на военных спекуляциях, свое негодование подлинного сына родины, которому больно и стыдно за свое истерзанное, истрадавшееся отечество:

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!

А в поэме «Война и мир», которую он писал для журнала А. М. Горького и которую царская цензура не пропустила, Маяковский называет камен империалистической войны «отрысками» кровавого обеда международной буржуазии:

Никто не просил,
чтоб была победа
родине начертана.

Безрукому опрыски кровяного обеда
на чорта она?!

Но едва власть в России перешла к победившим рабочим и крестьянам, Маяковский сразу ощутил интересы социалистического государства, как свои кровные интересы, и его победу, как свою собственную. Неудовлетворенная ранее любовь поэта к родине стала деятельной, напористой, страстной и неукротимой.

Огненный темперамент бойца революции не позволял ему замкнуться только в работе над книгой и толкал на участие своим поэтическим словом в повседневных боях за социализм. Он владел одинаково хорошо всеми видами литературного оружия—от пафоса до юмора и сатиры, от поэмы до частушки. Весь этот прозный арсенал слова он отдал на идейное вооружение родины.

Размах, глубкость и оперативность литературной работы Маяковского поразительны. В годы гражданской войны эти особенности его дарования были неопценены. Он пишет близкие пониманию рядового красноармейца и самого отсталого крестьянина правдоподобные сказки и рассказы, агитационная действенность ко-

торых очень велика, потому что назидательный тон их не назойлив, «утешен» шуткой, юмором: «Рассказ о том, как из-за шуговицы голова пропадает дешевле лукавицы» или «Сказка о дезертире, устроившемся шедуренью, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника».

И в то же время он создает обобщенный грандиозный образ всей земли, расколотой гражданской войной, образ великого русского народа, поднявшегося первым на борьбу за счастье всего человечества. Поэму «150.000.000» он выпускает в 1921 году без указания имени автора. «150.000.000 мастера этой поэмы имя»—провозглашает он во вступлении. Он стремился слить с революционным народом не только содержание, но и форму своего нового произведения—не случайно первоначально оно называлось «Былина об Иване». Поворот Маяковского к народному языку, образам и жанрам, который происходит в его творчестве после революции, отражает его стремление дойти до самых широких масс. В поэме «150.000.000» он использует, переделывая на свой лад, народнопесенные размеры и широко применяет фольклорные ритмы:

Русских
в город тот
не везет пароход,
не для нас дворцов этажи.
Я спил там был,
в барах ел и пил,
попывал в барах с янками джиги.

Сюжет поэмы рисует сказочное столкновение советского богатыря Ивана—ста пятидесяти миллионов рабочих и крестьян—с коллективным воплощением мирового капитализма в образе американского президента Вудро Вильсона. Империализм душит русский народ голодом и разрухой, блокадой и эпидемиями, высылает против него войско яловитых идей. Победа Ивана дается нелегко.

Своей огромной верой в народ, своей болью за его лишения и жертвы, уважением к незамысловатым героям, обеспечившим героизм революции, Маяковский настра-

ивает читателя на высокий патристический лад.

В поэтической работе Маяковского общественный темперамент сочетался с верным политическим чутьем, которое оценил Ленин в стихотворении «Прозаседавшиеся». Окрыленный похвалой Ленина, Маяковский «во весь голос» развернул свою деятельность поэта-гражданина.

В комедии Грибоедова «Горе от ума» Чацкий, вернувшись в Москву из зарубежных странствий, на вопрос Софьи «Где ж лучше?»—отвечает:

Когда ж постраствуешь,
воротисься домой,
и дым отечества нам сладок
и приятен!

В своих запятанных поездках Маяковский сердцем не расставался с любимой социалистической родиной. «Дым отечества», самый воздух, «разреженный дважды грозю двух революций», был приятен ему. И с запасом этого воздуха в своей широкой грудной клетке он обогнул чуть не весь земной шар. Технические достижения капитализма он сумел при этом трезво оценить, но еще острее понял, что работа о человеке, неведомая капитализму, составляет душу, гордость социалистического строя. И он писал:

Я в восторге
от Нью-Йорка города.

Но
кепчонку
не одеру с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.

В самом деле, что стоило даже такое чудо американской техники, как Бруклинский мост, которое влюбленно и с гордостью за творческие возможности людей созерцал Маяковский, по сравнению с действительным чудом нашей борьбы и труда? —

Нами
через пропасть
прямо к коммунизму
перекинут мост,
длиною
во сто лет.

Хозяйским глазом, уважительно, по к

критически осматривал он достопримечательности буржуазной техники и культуры, прикидывая, как и что нужно будет использовать после победы мировой революции. Все-таки тоска по родине хватала за сердце:

Почему
под иностранными дождями
вымокать мне,
гнить мне
и ржаветь?

И подтрунивая, по обыкновению, над самим собой, над своей «сентиментальностью», — черта, которая придавала такую чистоту и подлинность выражению его самых глубоких чувств, он прощался с любимым Парижем —

Я хотел бы
жить
и умереть в Париже.

Если бы не было
такой земли —
Москва.

Маяковский был русский человек, родившийся и проведший юные годы своей жизни на Кавказе, в кипящем котле национально-революционной борьбы против российского самодержавия. Он говорил о себе, что он «по рождению грузин». Вместе со своими товарищами грузинами, еще острее переживая за них уколы национального самодовольствия, он ненавидел заблудившихся в 1905 году великодержавных российских повстанцев. Но когда уже в советских условиях он подметил проявления национализма в некоторых кругах грузинской и украинской интеллигенции, он с искренним огорчением воскликнул, обращаясь к юношеству всей нашей многонациональной родины:

Да будь я
и непром преклонных годов,
и то
без унынья и лени
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.

Осенью 1927 года Маяковский впервые прочитал своим литературным друзьям поэму «Хорошо!», написанную им к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Идея, сорванная в боевой практике поэта-трибуна.

идея любви к родине одухотворяла эту гениальную поэму. Самое название «Хорошо!» звучало взволнованным счастливым восклицанием человека, вздохнувшего полной грудью. Но, несмотря на то, что именно в этой идее заключался прямой и глубокий смысл нового произведения Маяковского, это не сразу было понято многими, в частности многими литераторами. Маяковский чувствовал и думал, опережая других, угадывая развитие чувств и дум народа.

Первый в советской поэзии Маяковский заставил заново сиять слова «родина», «отечество». Он возвысил жертвенную любовь к родине. В своей поэме, обращаясь к именовавшим себя патристами российским буржуазным эмигрантам, он писал:

Слушайте,
национальный трутень, —
День наш
тем и хорош, что труден
Эта песня
песней будет
наших бед,
побед,
буден.

Такой песней «бед, побед, буден» стала поэма «Хорошо!». Своими вдохновенными образами не только достижений, но и трудностей нашего исторического пути она вызывает изумительное настроение веры в будущее. И вся поэма Маяковского звучит поэтической присягой сердца на верность матери-родине.

...землю,
которую
завоевал
и полуживую
выжигали,
где с лучшей встань,
с винтовой ложись,
где каплей
льешься с массажи, —
с такую
землю
пойдешь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и на смерть!

В. ПЕРЦОВ.